

УДК 821.161.1'06-32.09

О. Д. Краснобаева

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры славянской филологии
Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки

ХУДОЖЕСТВЕННО-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СБОРНИКА РАССКАЗОВ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «ЛЮДИ НАШЕГО ЦАРЯ»

В студии исследованы определяющие формо- и структурообразующие особенности феминного прозописья Людмилы Улицкой (гендерные стереотипы, синкретическое мировоззрение героев, интертекстуальность, формы проявления мировоззренческих моделей в цикле «Люди нашего царя»). Раскрыты аксиологические концепты «женской» прозы русской писательницы, ее художественно-философская, религиозно-мифологическая и хроно-топическая парадигмы.

Ключевые слова: концепт, хронотоп, дискурс, парадигма, семантика, текстологический анализ, интертекстуальность, прозописью, гендер, стереотип, мифопоэтика.

Постановка проблемы. «Женская» проза Людмилы Улицкой отличается особой дискурсивностью, своеобразной (преимущественно социально-бытовой) тематикой, ей присущи интересные повествовательные стратегии, аллюзийные вкрапления, характерные для синкретического творческого метода писательницы. Автору свойственно проявление перманентного интереса к сложным общественным эволюционным процессам, историзм мышления, личностная интерпретация историко-культурных, нравственно-философских мотивов и проблем современности.

При неуклонно возрастающем интересе к творчеству Л. Улицкой, как читательском, так и сугубо профессиональном, глубоких аналитических теоретических работ в данной сфере немного. Различные аспекты поэтики Л. Улицкой (интертекстуальность, концептология, метатекстуальность, особенности моделирования хронотопа, мотивика, мифопоэтика) становятся предметом исследования в рамках современной и зарубежной литературоведческой науки. Поэтому постановка проблемы научной студии обусловлена необходимостью исследования современных и зарубежных литературно-критических отзывов о «женской» прозе Людмилы Улицкой как весомой части общего литературного процесса и своеобразия концептологии ее творчества, необходимостью основательного осмысления поэтики и стиля художественного

мышления писательницы с целью углубления литературоведческой интерпретации проблемы гендерного дискурса ее творчества.

Анализ последних исследований и публикаций. В ходе исследования мы заинтересовались проблемами гендерной идентичности. Хотя современная русская литература пополняется резонансными феминистическими произведениями, литературно-критическими работами, русские, украинские и зарубежные авторы рассматривают творчество Л. Улицкой под феминистическим углом зрения: М. Крупка [11], Л. Таран [18], Лю На [13], Г. Улюра [20], С. Филоненко [21], М. Арбатова [1], О. Горошко [5], Т. Ровенская [16], Е. Пастухова [14], И. Попова [15] и др., гендерные исследования находятся лишь на начальном этапе своего становления. Уже сегодня можно уверенно говорить о феномене «женской прозы», который исследован недостаточно и анализируется только в некоторых аспектах. Системные и масштабные труды касаются гендерных стереотипов, нарративных моделей, концептологии женских образов, соотношения времени и пространства в художественно-философской парадигме российской женской прозы конца XX века. Существенно отличаются постмодернистские исследования о «женской» прозе Л. Улицкой О. Караблевой [9], Н. Габриэлян [3], И. Скоропановой [17], Н. Лейдермана [12], Ю. Кристевой [10], И. Ильина [8], В. Зелина [22],

которые появились в последние годы XX века. В них говорится о новейших теориях гендерного анализа, нарративном дискурсе, психоанализе, что расширяет методологические горизонты современного литературоведения.

Исследователи И. Жеребкина [7], И. Скоропанова, Г. Брандт [2] и др. целостно анализируют отдельные «женские» рассказы Л. Улицкой, определяют принципы группировки ее «женских» героинь, раскрывают смысловую и поэтико-стилевую доминанту рассказов современного русского прозаика.

Цель статьи заключается в раскрытии циклосоставляющих факторов, определяющих художественное единство «женских» произведений писательницы; исследовании форм проявления мировоззренческих моделей в цикле «Люди нашего царя»; раскрытии аксиологических концептов «женской» прозы Л. Улицкой, ее художественно-философской, религиозно-мифологической и хронологической парадигмы.

Изложение основного материала. Мы исследовали, что сюжетные линии небольших по объему произведений Л. Улицкой приближают ее к философско-эстетической концепции мира простого человека, читателя, а горесть и переживания героев, особенно женских, неразрешимые проблемы оставляют тяжелый осадок у читателя после прочтения ее небольших рассказов.

Вместе с тем писательница убеждает своим творчеством, что человек рожден не для страданий и лишений, а для лучшей жизни, счастья и благополучия. Но этот нелегкий путь к счастливой жизни он может пройти только через жизненные невзгоды: страхи, смерти, конфликты, споры, болезни, потери, одиночество, лишения. Нам импонирует мудрость, проповедуемая Л. Улицкой, которая заключается в том, что, принимая жизненные проблемы, подвергая себя трудным испытаниям, нужно верить в лучшее, быть оптимистом и, оставаясь человеком, избежать морального и духовного падения.

В ходе исследования художественно-аксиологической парадигмы сборника «Люди нашего царя», являющегося объектом анализа в студии, мы убедились в справедливости утверждения писательницей, что у каждого человека есть свой, часто нелегкий и тернистый, путь к счастью, а это немаловажно в наше трудное время.

Для названного цикла характерны такие типологические черты: символичность образов, эссеистичность, направленная к бытийному

характеру философских обобщений, большое количество многофункциональных лирических отступлений. Одними из важнейших особенностей «женской» прозы Л. Улицкой являются ее укрупненные поэтико-стилевые формы, в частности создание циклов рассказов.

По справедливому убеждению М. Горелика, Л. Улицкая начала «свою ревизию» в «Людах нашего царя», но там она была только (хотя и остро) заявлена. Положим, ревизия началась много раньше, но в «Людах нашего царя» Улицкая впервые, по-видимому, об этом написала» [4, с. 171].

Сборник рассказов писательницы представляет собой целостную стилевую структуру, определяемую единством идейно-тематического содержания (проблема поиска духовно-нравственного идеала, философских размышлений о жизни и смерти), своеобразной нарративной стратегией цикла, характером аналитических размышлений писательницы о сложной женской судьбе и женском счастье.

В ходе целостного текстуального исследования малой эпической прозы Л. Улицкой мы отметили наличие ряда критериев, касающихся жанрово-родовой модификации ее рассказов, характеризующихся четко построенным сюжетом, меткими лаконичными описаниями и лирическими отступлениями, небольшим количеством героев, способами внутрискруктурного взаимодействия автора и рассказчиков, поэтико-стилевой доминантой рассказов.

Мы определили, что гендерный подход в цикле заключается в определении степени и характера влияния женского творчества Л. Улицкой на принципы развития жанров современного рассказа и миниатюры, которые аккумулируют не только специфическую феминную, но и маскулинную проблематику и находят выражение в своеобразной поэтико-стилевой доминанте. Мы отметили приближение жанра «женского рассказа» Л. Улицкой к жанрам интеллектуальной прозы, сентиментальной и неосентиментальной повести («Писательская дочь», «Певчая Маша»). Об этом свидетельствует «отказ от традиционной миметичности, перенос функции фабульных конструкций на ассоциативно-организованную систему мотивов, на последовательную работу с чужим словом, в результате чего возникли многочисленные формы его использования в тексте и разнообразные формы демонстрации авторского присутствия в нем» [4, с. 179].

На наш взгляд, в современном литературоведении вне поля зрения ученых остается исследование тематических констант «женского» творчества Л. Улицкой, осмысление концептологии, типологии художественно-философских мотивов жанра ее современного «женского» рассказа, что и является задачами поисков в студии.

Своеобразна мотивика малой эпической прозы писательницы: наиболее типическими в ее произведениях являются «социально-положительный (пассивно конфликтный, потенциально разрешенный) и физиологически табуированный (провокационно конфликтный, принципиально решаемый) мотивы» [9, с. 20].

Мы проследили, что сквозной персонаж объединяет концептуальную канву цикла «Люди нашего царя». Основными проблемами, наполняющими его сюжетную специфику, являются уровни соотношения нравственного, духовного и материального, физиологического в человеке, преодоление расхожего штампа жизненной неустроенности, сложный и противоречивый поиск женщиной морально-философского идеала, определение религиозного дискурса, облагораживающая роль искусства и др.

В ходе исследования мы сгруппировали рассказы сборника «Люди нашего царя» по аксиологическому принципу ведущей жанрово-тематической константы. Доминирующей темой первой группы произведений, на наш взгляд, является тема религии и христианства, Библейской символики (*Троица, Рождество, путеводная звезда*) и интерпретация образов русской классической литературы (*колдунья-африканка с ногтями жрицы Буду, священник Иван, бабушка-монахиня; «Путь осла», «Певчая Маша», «Дорожный ангел*). Библейская тема, символичность Рождественского праздника, то есть благодатной благодати Божьей, позволяют читателю ощутить близость иных миров.

Рассказ «Певчая Маша» является непосредственной аллюзией на всеобъемлющую женскую скромность и чистоту сердца, преданнейшую веру и любовь к Творцу и человечеству Девы Марии. В самом начале рассказа мы знакомимся с главными героями – Иваном и Марьей. «Свадьба получилась как будто немного строгая – все же в церкви хорошо не погуляешь, зато пели чудесно: и стихиры пасхальные, и народные песни, и северные, и украинские...» [19, с. 94].

Истинная вера в Матерь Божью, по мысли автора, отличается скромностью и непосредственностью, детской радостью и незлобивостью, гуманизмом, всепрощением и любовью, что характерно для способа жизни героини Маши. При описании русской национальной свадьбы героини и ее мужа Ивана Л. Улицкая выступает писателем-аналитиком, мастером емкой художественной детали. Автор приводит читателя к выводу, что «напускная», «ложная» вера ведет к смерти, поскольку отличается обманом, немотивированными претензиями, сердитостью и ненавистью, что характерно для бывшего мужа Татьяны Ивана: «... Иван *шпынял* Машу за розовые блузочки и пестрые бусы, которые она любила носить...» [20, с. 94]. В рассказе «Тело красавицы» также узнаем о жестоком отношении другого героя – Сергея – к красивой женщине: «Два раза Сергей *поколотил* Таню, и Таня ушла к маме, даже не взяв из мужнего дома зимние вещи – пальто, шапку и почти новые сапоги» [19, с. 62]. Здесь проявляется глубокое поэтико-стилевое мастерство Л. Улицкой-прозаика, умеющего посредством нескольких емких художественных деталей («шпынял», «поколотил») раскрыть черты характера и способ жизни семейных пар, непростые патриархальные традиции и быт русской женщины.

Искусство является необходимым духовным дополнением к чувствам Марии. «Осенью Иван привез подарков, но больше духовного содержания, чем практического. Подарил икону заказную, двойную – Иоанн Воин и Мария Магдалина...» [19, с. 101].

Мы исследовали, что в композиционном центре рассказа «Певчая Маша» – героиня во всей своей многогранной внутренней и внешней красе. Людмилу Улицкую интересует сложный мир чувств и настроений, которые не подлежат не то что детальному анализу, даже называнию. Вместе с тем ближе к финалу произведения мы видим, что героине дан великий Божий дар прощения и житейской мудрости.

Объектом исследования в статье стал также рассказ «Путь осла», не только раскрывающий Библейскую проблематику, но и утверждающий приоритет духовных, нравственных жизненных ценностей, что реализуется в описании возвышенного состояния поющих религиозные песни людей, утверждающих всепобеждающую роль музыки и искусства в жизни человека. Лейтмотивы философской рецепции сложной

дороги жизни составляют сюжетную доминанту этого рассказа. «Женевьев раскрыла ноты и, глубоко вдохнув, ударила по клавишам. Из-под детских рук *выбивались звуки*, складывались в наивную мелодию, и Женевьев запела высоким, девчачьим голосом: «Возьми свою гармошку, возьми свою свирель... нет, скорее, флейту... сегодня ночью рождается Христос...» [19, с. 10]. «Эта самодельная музыка была живая и обладала каким-то особым качеством, какого никогда не бывает у настоящей, сделанной профессионалами...» [19, с. 11].

Писательница приводит читателя к выводу, что одухотворяющее искусство, мир религии облагораживают человеческую душу, раскрывают ее затаенные струны. На наш взгляд, Л. Улицкая художественно правильно отразила суть духовно-эстетических процессов, в т. ч. и специфику рецепции героинями религиозных праздников, например, Рождества Христова. «И вдруг одна, большая, как яблоко, звезда прочертила все небо из края в край сверкающим росчерком и упала за шиворот горизонта. Происходило Рождество... Все необходимые элементы присутствовали: младенец, Мария и ее старый муж, пастух, эта негритянская колдунья с ногтями жрицы Буду со своим божественным голосом, присутствовал агнец, и звезда подала знак...» [19, с. 11]. Используя интертексты Библии, писательница утверждает необходимость поиска Царя (Бога), дающего высший смысл человеческой жизни, демонстрирует двойственность души русского человека.

Второй аксиологической тематической константой рассказов Л. Улицкой является доминирование интеллектуального, нравственного над «телесным», материальным в человеке как необходимого составляющего высоких жизненных ценностей, сложные философские размышления о сложностях человеческого существования и судьбы образов как женских, так и мужских персонажей («Великий учитель», «Тело красавицы», «Писательская дочь», «Менаж а труа»). Душа конкретного, «маленького» человека для писательницы не менее сложна и загадочна, чем глобальные социально-политические противоречия эпохи порубежья. Названные рассказы автора просты и обаятельны, обладают удивительной интеллектуальностью и интертекстуальностью (посылы к творчеству А. Ахматовой, В. Маяковского, Д. Мережковского, Карамзина, учению немецкого философа Штайнера, культуре эпохи

«застоя» и др.), глубочайшим психологизмом и тончайшей, почти поэтической, эмоциональностью и стилем, что в определенной степени определяет постмодернистский характер малой прозы Л. Улицкой.

Круг аксиологических вопросов, которые решаются в рассказе «Великий учитель», – это, прежде всего, проблемы перманентных философских отношений между человеком и окружающим миром, гимн человеческому Разуму (интеллекту). Отсюда – сложный синтетический творческий метод современной писательницы, соединяющий реалистические, сентиментальные, модернистские и постмодернистские тенденции. «Леонид Сергеевич превосходно владел немецким языком, но переводил он обыкновенно вовсе не с немецкого, а с многих других – с монгольского, языка хинди и урду, с персидского и туркменского» [19, с. 33]. Леонид Сергеевич, герой рассказа «Великий учитель», на протяжении всего повествования интересно и всеобъемлюще рассуждает о дискурсе духовной истины, о соотношении правдивого и ложного, о семантике морально-этического концепта Добра и Любви, о житейской мудрости: «Всякое подлинное знание несет в себе опасность, – сказал Леонид Сергеевич на прощанье, – и опасность эта как духовная, – мир спасается через познание мудрости» [19, с. 35].

Самой восхитительной из идей казалась Геннадию Тучкину (собеседнику героя) «идея духовных иерархий, и самое драгоценное зерно заключалось в том, что высшие иерархии постоянно жертвовали чем-то во имя низших, вызволяя их из хаоса неосмысленности» [19, с. 36]. «Все наполнилось новым смыслом; он научился восхищаться механическими узлами как Творением Господа, потому что видел теперь в разумной деятельности человека отсвет Высшего Разума...» [19, с. 36]. Таким образом, вторая аксиологическая тематическая константа рассказа «Великий учитель» очень тесно связана с религиозно-философским концептом мира и личности в рассказах Л. Улицкой, христианским контекстом ее постмодернистского повествования.

Диалогический характер размышлений героев реализуется через стремление к дискретности, самокоррекции. К очерченным особенностям необходимо отнести также попытки в рассказе «Великий учитель» стилизации под мужское письмо, что делает «женские рассказы» Л. Улицкой стилистически поливалентными.

Для произведения характерны краткость и ёмкость, точное описание быта в его повседневных деталях и вместе с тем глубокий психологизм. Ему присуща жанровая эссеистичность с выходом к глубоким философско-бытийным обобщениям. На наш взгляд, в этом произведении отразился трагический исторический опыт всего XX века, интеллектуализм современного прозаического жанра, воплотилось новое самосознание и философское мировидение, этим опытом обусловленное.

Доминирующей аксиологической константой цикла «Люди нашего царя» являются рассказы третьей группы, в которой исследуется тема сложной жизненной судьбы женщин, различных по своему социальному статусу, возрасту, уровню интеллектуального развития. В ходе исследования мы подытожили, что это писательские дочери, обремененные партийной идеологией («Писательская дочь»), красавицы, страдающие от своей красоты («Тело красавицы»), покорные хранительницы семейного очага, поющие в церковном хоре («Певчая Маша»), девочки из послевоенных барачков. Каждая из них имеет или имела в жизни какую-то трещину, часто нелегкое жизненное испытание.

В рассказе «Писательская дочь» знакомимся со сложной судьбой главной героини – писательской дочери Маши. «Маша, несмотря на десятилетний возраст, была идейная и партийная» [19, с. 159]. В основе композиции произведения лежит поэтический прием сопоставления образов, вступивших в художественное взаимодействие, т. е. рассказ строится на принципе противопоставления героев, поэтому целесообразным является рассмотрение лингвистических оппозиций, касающихся дружбы Маши и Жени Воробьевой, состояния Маши после смерти отца. «Воробьева всегда чувствовала, что Маша чем-то особенная, отличается от всех других, и особенность эта была возвышающая» [19, с. 154].

В женском мировоззрении героини Л. Улицкой просматриваются тенденции к самостоятельности и переосмыслению традиционной модели семьи. «Жизнь Маша после развода пошла под горку: в ней было все меньше блеска, общения со знаменитостями...» [19, с. 178]. Рассказ «Писательская дочь» направлен на продуцирование сочувствия центральной героине Маше, поскольку, будучи интеллектуально образованной и все-

сторонне развитой личностью и принадлежа к общественной элите, она не испытывает удовлетворенности от жизни, в частности от брака, а позже и развода.

Людмила Улицкая заметила едва намеченную положительную тенденцию литературного развития 90-х годов XX века – воспроизведение сложного внутреннего мира женщины с незаурядной внешней красотой. Именно эта тенденция оказалась плодотворной для создания новой концепции личности женщины в малой эпической прозе писательницы. Такой выбор профессий для героинь существенно отличает современную женскую прозу рубежа тысячелетий от прозы писательниц 90-х годов, когда писатели изображали преимущественно «обычную женщину» с «обычной профессией», а сферы самореализации для героини оставались традиционными: семейная жизнь, домашнее хозяйство, любовь.

Людмила Улицкая-прозаик предстает перед нами как писатель-аналитик, перманентно раскрывающий все перипетии и философию жизни сложного женского характера.

Выводы и предложения. Для индивидуально-художественного мира писательницы характерно, что случаи из жизни складываются в мозаику времени, полудокументальную хронику бытия. Умение современного автора балансировать между простотой поэтических средств и сложностью постановки «вечных вопросов» – внешней и внутренней красоты, любви, семьи, дружбы, долга, истины, определяют ее особое место в современном литературном процессе.

В основу условной модели-схемы героини Л. Улицкой прозы порубежья тысячелетий положен образ женщины, выступающей смысловым узлом рассказов цикла «Люди нашего царя». Критерием разделения разработанной типологии женских образов является их структура, социальный статус, поведение, тематическая доминанта рассказов, тенденции текстообразования. Особый колорит, новые грани психологической интерпретации художественного мира героинь Л. Улицкой определяют женская субъективность, интеллектуализм и философичность мышления, глубокий лиризм, искренность повествования.

В ходе исследования художественно-аксиологической парадигмы цикла «Люди нашего царя» мы подытоживаем, что существенной чертой сознания новой героини Людмилы

Улицкой является внутренняя раздвоенность, борьба между патриархальными стереотипами и эмансипационными стремлениями. Закономерно сущность такой личности выражается у писательницы через художественные особенности поэтики женской прозы: философичность мышления, исповедальность, автобиографичность, жанровую поливалентность, систему образных и емких поэтико-стилевых средств.

Список использованной литературы:

1. Арбатова М. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма / М. Арбатова // Преображение. – 1995. – № 3. – С. 26–27.
2. Брандт Г. Природа женщины как проблема (концепции феминизма) / Г. Брандт // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 167–180.
3. Габриэлян Н. Ева – это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе) / Н. Габриэлян // Русская литература XX века в зеркале критики. – М., СПб. : Академия, 2003. – С. 284–296.
4. Горелик М. «Прощание с ортодоксией» / М. Горелик // Новый мир. – 2008. – С. 169–176.
5. Горошко О. Гендер у мережі становлення теоретичної парадигми / Е. Горошко // Вісник Міжнародного слов'янського університету. – Х., 2006. – Т. IX. – № 2. – С. 3–8.
6. Егорова Н. Проза Улицкой 1980–2000 гг.: Проблематика и поэтика / Н. Егорова. – Астрахань, 2007. – 23 с.
7. Жеребкина И. «Прочти мое желание...»: Постмодернизм, психоанализ, феминизм / И. Жеребкина. – М., 2000. – 256 с.
8. Ильин И. Феминистская критика в лоне постструктурализма / И. Ильин // Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. – М., 1998. – С. 143.
9. Корабльова О.В. Художні версії проблеми самотності у жіночій прозі / О.В. Корабльова. – К., 2004. – 187 с.
10. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 656 с.
11. Крупка М. Гендерный дискурс у сучасній українській літературі / М. Крупка // Актуальні проблеми сучасної філології. Серія «Літературознавство». – Рівне : РДГУ, 2000. – Вип. 9. – С. 145–151.
12. Лейдерман Н. Русский реализм в конце XX века / Н. Лейдерман // Русское слово в мировой культуре. Художественная литература как отражение национального и культурно-языкового развития : в 2 т. – СПб. : Политехника, 2003. – Т. 1. – 2003. – С. 260.
13. Лю На. Художественное своеобразие малой прозы Людмилы Улицкой: на материале сборника «Люди нашего царя» / На Лю. – Тамбов, 2009. – 179 с.
14. Пастухова Е.Е. Русская «женская проза» рубежа XX–XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики / Е.Е. Пастухова // Вестник Вятского государственного университета. – Киров, 2008. – № 2. – С. 158–164.
15. Попова И.М. Миф об утерянном рае в современной женской прозе (Т. Толстая, Л. Улицкая, М. Вишневецкая) / И. Попова // Художественный текст и культура : материалы Международной научной конференции. – Владимир : ВлГПУ, 2006. – С. 226–232.
16. Ровенская О. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов (проблематика, ментальность, идентификация) / О. Ровенская. – М. : МГУ, 2001.
17. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература / И. Скоропанова. – М., 2001.
18. Таран Л. Гороскоп на вчора і на завтра / Л. Таран. – К. : Рада, 1995. – 247 с.
19. Улицкая Л. Люди нашего царя / Л. Улицкая. – М. : Эксмо, 2007. – 306 с.
20. Улюра Г. Проблема феміністського тексту і письменницького іміджу жінки-авторки в сучасних українській та російській літературах / Г. Улюра // Сучасність. – 2005. – № 7–8. – С. 115–127.
21. Філоненко С. Феномен жіночої прози в українській літературі / С. Філоненко // Українська мова та література. – 2008. – № 22–24. – С. 57–64.
22. Wu Zelin. Предисловие к рассказам новой русской литературы / Wu Zelin // Избранное новой русской литературы. – Пекин, 1999. – С. 3–13.

Краснобаєва О. Д. Художньо-аксіологічна парадигма збірки оповідань Л. Улицької «Люди нашего царя»

У студії досліджено формо- і структуротворчі особливості фемінного прозописьма Людмили Улицької (гендерні стереотипи, синкретичний світогляд героїв, інтертекстуальність, світоглядні моделі в циклі «Люди нашего царя»). Розкрили аксіологічні концепти малої епічної прози сучасної російської письменниці, її художньо-філософську, релігійно-міфологічну і хронотопічну парадигми, що дає змогу подати її творчість як цілісну

філософсько-естетичну систему, яка поєднує міфопоетичну рецепцію світу й реалістичну точність сучасної «жіночої» прози, постмодерністське й неосентиментальне бачення світу.

Ключові слова: концепт, хронотоп, дискурс, парадигма, семантика, текстологічний аналіз, інтертекстуальність, прозописьмо, гендер, стереотип, міфопоетика.

Krasnobaieva O. D. The artistic and axiological paradigm of Ulitskaya's storybook "People of Our King"

In the research the defining features of the shape and structure of Ulitskaya's feminine prose (gender stereotypes, syncretic worldview of heroes, intertextuality, forms of manifestation of world outlook models in the storybook "People of Our King") are investigated. Axiological concepts of "female" prose of the Russian writer, her artistic and philosophical, religious, mythological and chronotopical paradigms are revealed. It allows to present the works of the Russian writer as a complete philosophical and aesthetic system connecting mythical and poetical vision of the world and realistic accuracy of modern prose, postmodern and neosentimental vision of the world.

Key words: concept, chronotope, discourse, paradigm, semantics, textual analysis, intertextuality, prose, gender, stereotype, mythopoetics.